

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЕВАНГЕЛЬСКОГО ОБРАЗА ИУДЫ В ПОВЕСТИ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА «ИУДА ИСКАРИОТ»

А. В. Богданович (Минск, Беларусь)

Леонид Андреев, экспрессионизм, глубокий трагизм и правдивость произведений которого выделяют его среди множества русских и зарубежных писателей, а широкий спектр тем произведений позволяет проследить практически все вехи жизни России рубежа XIX–XX веков, являлся мастером драматургии и тонко чувствующим психологом. Литературным интересом писателя являлось обличение и изучение, как говорил Максим Горький, «темных сторон жизни» человека: конечности его существования, безумия и одиночества, соотношенности личной трагедии и трагедии общенародной. При этом Л. Андреев, познающий в своих произведениях душу и сознание человека, интересовался и таким феноменом разума, как вера в Бога. При создании повести «Иуда Искариот» Леонид Андреев решает углубиться в тему предательства, обращаясь все к тем же «темным сторонам жизни», а за основу произведения взяв хорошо известный библейский сюжет о предательстве Иисуса Христа его учеником Иудой.

В повести «Иуда Искариот» Андреев представляет происходящие события словно изнутри, становясь ближе к библейским героям, при этом он не меняет оригинальную хронологию, а пересматривает все происходящее с авторской точки зрения, заставляя читателя задуматься о категоричности всеобщего признания Иуды предателем.

Вероятно, одним из самых ощущаемых отличий Евангелия и произведения Леонида Андреева является стремление создать классиком литературы Серебряного века углубленные образы героев канонического повествования. В Новом Завете не дается личностная характеристика ни учителя, ни его учеников, Андреев же уделяет много внимания внешнему портрету и исследованию психологических качеств главного героя. Прежде всего, писатель создает образ Иуды через опосредованный взгляд, через описание, данное другими людьми: «Иисуса Христа много раз предупреждали, что Иуда из Кариота – человек очень дурной славы и его нужно остерегаться» [1]. Затем оптика меняется, перемещаясь на видение Иуды апостолами: «Никто из учеников не заметил, когда впервые оказался около Христа этот рыжий и безобразный иудей, но уж давно неотступно шел он по ихнему пути, вмешивался в разговоры, оказывал маленькие услуги, кланялся, улыбался и заискивал» [1]. Однако можем ли мы утверждать, что суждения апостолов являются истинными?

Вероятно, первоначальное восприятие апостолами Иуды может показаться правдивым: ученики Иисуса, являясь его приближенными, безоговорочно любят своего учителя и следуют его учению, ожидая «место возле Христа в его небесном царстве» [1]. Однако именно это преклонение перед учителем и могло озлобить апостолов по отношению к Иуде, получившему доверие Назарея и ставшему одним из ближайших его последователей. Апостолы искренне верили в то, что за желанием Иуды быть ближе к Иисусу «скрывалось какое-то тайное намерение, был злой и коварный расчет» [1], поэтому их неприятие Иуды не входило в противоречие с их верой, а за всеми действиями Иуды они видели нечистоплотность в выборе средств, благодаря которым он добился расположения к себе Иисуса. Все описания, представленные в произведении, не кажутся столь объективными и достоверными, особенно если учитывать то, что Леонид Андреев старается сохранить евангелистский сюжет, который изучается только по четырем Евангелиям: от Марка, от Иоанна, от Матфея и от Луки, – то есть от остальных учеников Иисуса, но не от Иуды.

Кроме создания портрета Иуды, Л. Андреев добавляет дополнительные уникально-авторские краски и в образы апостолов: они снижены, лишены канонической возвышенности. Показательным в этом аспекте является эпизод спора Петра с Иоанном о том, кто из них первым войдет за Иисусом в царствие небесное. Во время этого спора апостолы «перечисляли

свои заслуги, мерили степень своей любви к Иисусу, горячились, кричали, даже бранились несдержанно, Петр – весь красный от гнева, рокочущий; Иоанн – бледный и тихий, с дрожащими руками и кусающейся речью» [1]. Совсем немного оставалось до того, что весь спор перейдет в плоскость непристойного. И тогда апостолы решили попросить Иуду рассудить их спор, при этом Иоанн обратился к Иуде «снисходительно» [1], а Петр – «самодовольно захохотал» [1]. Едва ли подчеркивание этих деталей было произведено автором случайно: в поведении апостолов трудно обнаружить проповедуемое Иисусом смирение и человеколюбие. Спор между апостолами завершился парадоксальным образом:

«Не отрывая глаз от Христа, Иуда медленно поднялся и ответил тихо и важно: – Я! Иисус медленно опустил взоры. И, тихо бия себя в грудь когтявым пальцем, Искарriot повторил торжественно и строго: – Я! Я буду возле Иисуса!» [1].

Прием контраста, к которому прибегает Л. Андреев в этом эпизоде, когда на одной чаше снисхождение и самодовольство, гнев и кусающаяся речь Иоанна и Павла, а на другой торжественность и строгость Иуды, за которыми читается благоговение и почитание учителя, словно призван изменить полюс восприятия читателями образов апостолов.

Обращает на себя внимание то, как реагирует Иуда в произведении Леонида Андреева на предложенную ему сумму денег за предательство Иисуса. В Евангелии Иуда берет тридцать сребреников в обмен на Назаряя однако безоговорочно ли Иуда принял такую плату, мы знать не можем: «И он пошел, и говорил с первосвященниками и начальниками, как Его предать им. Они обрадовались и согласились дать ему денег» [2]. В произведении же Андреева Иуда не согласен с такой платой, он не понимает, как ему могли предложить так мало за «доброе, молодого и исцеляющего других» Иисуса Назаряя: «Тридцать сребреников! Ведь это одного оболла не выходит за каплю крови! Половины оболла не выходит за слезу! Четверть оболла за стон! А крики! А судороги! А за то, чтобы его сердце остановилось? А за то, чтобы закрылись его глаза? Это даром?» [1]. Однако стоит заметить, что в словах его не чувствуется скупость и жажда денег, он вступает в спор с первосвященником из-за недовольства преуменьшенной суммой, равной цене раба, что представляется ему кощунством, оскорблением Мессии.

После получения денег Иуда отправился к Иисусу. Сцену, когда Иуда застал спящего учителя, Андреев наполнил изображением истинных чувств Искариота: «Бесшумно продвинувшись вперед, Иуда с нежной осторожностью матери, которая боится разбудить свое больное дитя, с изумлением вылезшего из логовища зверя, которого вдруг очаровал беленький цветок, тихо коснулся его мягких волос и быстро отдернул руку» [1]. От алчного предателя, который перепробовал на зуб все выданные ему серебряные монеты, не остается и следа. Нельзя не задаться вопросом при интерпретации этого эпизода: что же в действительности чувствует Иуда?

Л. Андреев в повести создает психологически сложный образ Иуды. Двойственность Иуды становится одной из показательных составляющих его личности: «Одною рукой предавая Иисуса, другой рукой Иуда старательно искал расстроить свои собственные планы» [1].

Мотив предательства Иуды в религиозной плоскости с точностью установить нельзя, так как в Евангелии от Матфея и от Марка причиной предательства называется сребролюбие предателя, а в Евангелии от Луки и от Иоанна к нему примешивается еще и влияние Сатаны. У Андреева же мотив достаточно точен, главный герой его произведения идет на измену потому, что он был движим идеей доказать неготовность людей к учению Сына Божьего. Иуда доказывает свою правоту, показав бездействие толпы и учеников Иисуса во время его пленения стражниками: «Как кучка испуганных ягнят, теснились ученики, ничему не препятствуя, но всем мешая – и даже самим себе» [1]. Перед самой изменой Иуда добывает два меча и отдает их апостолам, однако они не были использованы для защиты Христа, только Петр предпринял попытку защитить учителя, однако после нанесения небольшой раны одному из охранников отбросил меч, и факт того, что мечами апостолы не пользуются, доказывал еще раз теорию Иуды о неискренности учеников Христа.

Во время шествия Иисуса на Голгофу рядом с ним из всех апостолов оказывается только Иуда: «– Я с тобою. Туда. Ты понимаешь, туда! Вытирает с лица кровь и грозит кулаком солдату, который оборачивается, смеясь, и показывает на него другим. Ищет зачем-то Фому – но ни его, ни одного из учеников нет в толпе провожающих» [1].

Обвинительным актом звучат слова Иуды, адресованные апостолам: «Как же вы позволили это? Где же была ваша любовь? Ты, любимый ученик, ты – камень, где были вы, когда на дереве распинали вашего друга?» [1]. На площади же при вынесении приговора Христу в Иуде до последнего жила надежда на то, что люди одумаются и бросятся спасать Мессию, но и тут люди доказали, что еще не готовы к великому учению Иисуса Христа: «И весь народ закричал, завопил, завыл на тысячу звериных и человеческих голосов: – Смерть ему! Распни его! Распни его!.. Варраву отпусти нам! Его распни! Распни!» [1].

В этом и состоит замысел Л. Андреева: он не ставит под сомнение веру и чистосердечность Иуды, а заставляет задуматься о чистоте намерений остальных учеников Христа. В произведении русского классика Иуда является трагическим персонажем, который готов взять на себя имя предателя и отдать учителя на растерзание, необходимое для пробуждения, исцеления человечества и продолжения учения Христа. Леонид Андреев создает глубоко психологичный образ главного героя, расширяя внешний и внутренний его портрет, и разрушает созданный в массовом сознании образ Иуды Искарюта как символа греха, алчности, сребролюбия и союзничества с дьяволом.

Библиографический список

1. Андреев, Л. Н. Иуда Искарюта [Электронный ресурс] / Л. Н. Андреев. – Режим доступа: <https://ilibrary.ru/text/1203/index.html>. – Дата доступа: 10.09.2023.
2. Библия. Мф 26, 14. Евангелие от Луки. Заговор и решение Иудеев. Предательство Иуды Искарюта: пер. / Славян, библейский фонд. – СПб., 1997. – 159 с.

РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА БЕЛАРУСИ КАК СПОСОБ ПРИОБЩЕНИЯ К РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Е. А. Болтовская (Могилев, Беларусь)

Культура является семиотическим феноменом, который состоит из множества кодов, или языков (язык танца, язык музыки, язык кинематографа, язык архитектуры, язык живописи, язык художественного текста и т. д.). Все они постоянно взаимодействуют, информация «переводится» с одних кодов на другие, что приводит к появлению новой информации, нуждающейся в расшифровке смыслов. Система культурных кодов составляет парадигму образов той или иной культуры, позволяет идентифицировать последнюю. Одним из основных маркеров кода культуры выступает естественный язык. Языковые знаки способны выполнять функцию знаков культуры и быть средством репрезентации культурных установок, сохранения и передачи культурной информации в силу того, что носитель языка в то же время является носителем определенной культуры.

«Коды культуры задают картину мира и занимают центральное место в национальном культурном пространстве, являясь его структурообразующими элементами», – утверждает известный белорусский ученый В. А. Маслова [1, с. 80]. На сегодняшний день в лингвокультурологии отсутствует общепризнанная классификация кодов культуры. Так, В. В. Красных выделяет соматический (телесный), пространственный, временной, предметный, биоморф-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта № 2637Гр/1-080-23 фонда «Русский мир».